

ПРОЛОГ

Давным-давно...

Жизнь в Москве и Петербурге была куда интереснее местных зловонных болот, раздолбанных глинистых дорог, сбора урожая с последующей продажей пшеницы, споров с приказчиком и вынужденных чаепитий с соседями. Павел не был готов расстаться с имением матери, но и не испытывал никакого удовольствия от сельской жизни, пропитанной стойкими ароматами коровника. Раньше этим богатством заведовал старший брат, но полгода назад Алексея дернула нелегкая отправиться в путешествие, где он подцепил неизвестную желудочную болезнь и довольно быстро сгорел, прометавшись в беспамятстве чуть больше недели. Павел пил с перерывами полтора месяца, а затем, вспомнив далекое предсмертное благословение матери, собрался и приехал в Семеновское выполнять свой долг. Долг имел весьма обширные территории и сложное хозяйство.

Павел Андреевич Воронцов — младший сын покойного графа Андрея Григорьевича Воронцова, последние пять лет в основном блистал в Петербурге. Шумные друзья, прекрасные женщины, никаких обязательств, скачки, премьеры... Что может

ЮЛИЯ КЛИМОВА

быть лучше? Павла вполне устраивали те необременительные дела в городе, которые требовались для управления отцовским наследством. Повезло, старшего брата, наоборот, интересовала земля и все, что с нею связано. Но теперь весну, конец лета и осень точно придется проводить здесь. «Не стоит доверять хозяйство кому бы то ни было, пока сам не научишься доить коров», — любил говаривать Алексей, и, если учесть, что имение процветало долгие годы, он был прав.

Зима затягивалась, конец февраля выдался на редкость снежным, что сбивало по срокам планы Павла. Определенные договоренности по продаже леса ждали лучшей погоды, и это несколько выбивало из колеи. Но нынче март, и пора бы уже солнцу заявить о своих правах и наконец-то согреть Семеновское.

Оставив лошадь около древнего дуба, сразу за поворотом, он немного прошелся по дороге и углубился в сосны, желая посмотреть, насколько растаял снег за последние десять дней. Если поля уже начали освобождаться от белых одеяний, то в лесных чащах ситуация оставляла желать лучшего.

Вернувшись на дорогу, Павел распахнул полушубок и так стоял с минуту, давая возможность холоду пробраться к телу. Отлично. Упрямство зимы пошло на спад.

Со стороны дальнего поля двигался экипаж, а желания вступать в светскую беседу сейчас не было. Павел направился к лошади, заранее зная, что пролетка все же нагонит его, и хорошо, если не придется разговаривать с какой-нибудь напудренной мамашей, мечтающей поскорее выдать замуж

ВЕТЕР ПОДСКАЖЕТ ИМЯ

одну из своих дочерей. На него уже давно объявлена охота: знатные семейства почти ежедневно зовут на бесконечные обеды и ужины. У Павла в зависимости от настроения подобные приглашения вызывали либо едкую усмешку, либо колючую злость. Как можно желать такого зятя, как он? Да, обеспечен, к тому же граф, но вряд ли он способен даровать хоть кому-нибудь счастье и постоянство. «Я готов переспать с вашей очаровательной дочерью, и даже два раза, но на большее не рассчитывайте».

Зная все минусы сельской жизни (слухи здесь разлетались быстро), Павел держался подальше от юных красавиц из почтенных семей. Его вполне устраивали сельские девушки, да и не так много времени было на развлечения. В январе Павел позволил себе короткий роман с молодой вдовой Елизаветой Ковальской, но холод и капризы быстро наскучили. Он без сожаления бросил ее, получив напоследок типичный женский скандал и вдохновенный шепот сплетниц за спиной. «Радуйтесь, курицы, — весело думал он тогда, — вам будет о чем поговорить холодными зимними вечерами».

Пролетка чуть обогнала и резко притормозила, отбросив в стороны комья грязи, облепленные коричневой кашей снега. Вороная дернулась, фыркнула и замерла, не смея перечить хозяину ни одним движением. На месте извозчика сидел Яков Петрович Стрыгин, лицо его отражало недовольство, впрочем, подобное настроение было ему свойственно.

— Я слышал, Павел Андреевич, вы хотите сбить цену на лес... Не советую вам этого делать, — вме-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

сто приветствия произнес Стрыгин и выпрямился, демонстрируя мощь своей внушительной фигуры. — Я лесом торгую уже десять лет и не позволю, чтобы кто-то вмешивался в мои дела.

— Поезжайте с богом, у каждого своя дорога, — ледяным тоном ответил Павел, бросив короткий взгляд на девушку, сидевшую за спиной Стрыгина. Обыкновенная. Бледная. Наверняка боится отца до смерти. Собственно, правильно делает, однажды он ее сожрет и не подавится: или продаст замуж подороже, или превратит в пожизненную прислугу, или отправит в монастырь, если надоеет и не оправдает надежд на перспективный брак. А она не оправдает. Простенькая, без лоска и шика, глаза, пожалуй, красивые, и смотрит внимательно, точно книгу читает. Не пустышка, наверное, но тем хуже для нее.

— Последнее слово будет за мной! — рявкнул Стрыгин, хлестнул вороную и понесся вперед, не слишком беспокоясь о том, как трясет сзади его дочь.

Павел скривил губы, тихо произнес: «Посмотрим», и продолжил путь к лошади. Встреча не оставила следа в душе, в делах он всегда поступал так, как считал нужным, и чужие проблемы ничуть не волновали. Но, кажется, он где-то встречал эту девчонку, сейчас ее темно-русые волосы были собраны на затылке, а тогда распущены по плечам... Нет, не встречал. А если и было, то в какой-то другой жизни, о которой помнить не обязательно и глупо. Вскочив на лошадь, Павел уже через минуту обогнал пролетку Стрыгина, но, размышляя уже о другом, он не удостоил экипаж даже мимолетным взглядом.

ГЛАВА 1

Пару дней назад мозг, душу и, возможно, печень победил коньяк. Глеб сутки провалялся в номере, а потом выполз на улицу с устойчивым желанием посетить первую попавшуюся японскую забегаловку и опрокинуть в себя острый том-ям.

«Желательно сразу две порции. Креветки-и, креветулечки-и-и...»

Настроение балансировало между «да гори оно все огнем» и «а жизнь-то налаживается», и совершенно не хотелось думать о том, что свобода имеет четкий временной предел. Почему-то никогда не получается насладиться ею сполна, вот еще бы денек или два...

До лета оставалось меньше недели, и Глеб потратил уйму денег на дорогую качественную одежду. Он понятия не имел, где оседают его шмотки. Некоторые вещи, конечно, кочевали вместе с ним с небес на землю и обратно, но большая часть обычно оставалась забытой и брошенной то в отеле, то на какой-нибудь квартире, то в баре. По городам и селам гораздо приятнее гулять налегке.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Деньги — это же пыль, верно? — насмешливо произнес Глеб, дырявя взглядом вытянутые перистые облака.

Злоупотребив в кинотеатре попкорном, он выпил две бутылки минералки и почувствовал острую потребность в физических нагрузках, да таких, чтоб спина взмокла и со лба пот капал. «Нет, и не уговаривайте, не уговаривайте, — мысленно протянул Глеб с усмешкой, потирая заросшую щеку. — Тренажерный зал мне совершенно не нужен, есть и другие способы хорошенько попотеть. — Его взгляд остановился на аккуратной груди стильной брюнетки, доедающей мороженое на летней веранде кондитерской, и улыбка стала тоньше и многозначительнее. — Да, я знаю один приятный способ расслабиться и одновременно получить неплохую физическую нагрузку...»

Глебу нравилось слоняться по улицам Москвы, заводить короткие необременительные знакомства, искушать, соблазнять и испытывать чувство глубокого удовлетворения от каждого вдоха и выдоха. Иногда, правда, не хватало остроты ощущений, но всегда же можно самостоятельно повысить уровень адреналина в крови (было бы желание и свободное время, а уж и того, и другого хватало с избытком).

Размышляя над тем, где бы провести вечер, Глеб свернул к первой попавшейся кафешке и заказал двойной американо с шоколадным эклером. Пирожное тянуло на слабенькую тройку, без вмешательства силы воли его и разжевать-то не получилось: сухое тесто, настойчивые привкусы маргарина и дешевого какао, каменная глазурь с белесым восковым налетом.

ВЕТЕР ПОДСКАЖЕТ ИМЯ

— Дрянная кухня.

Недовольно поморщившись, Глеб вытянул ноги, почесал затылок и обвел взглядом небольшой плотно заставленный круглыми столиками зал, и беззлобно, с легкой иронией подумал: «Да что ж вы, сволочи, эклеры губите... Какую хрень вы в них пихаете, а?»

Отодвинув тарелку, Глеб сделал большой глоток кофе и лениво посмотрел на стойку с прессой: газеты, журналы и наверняка полно всякого рекламного хлама... Около весьма скромного винного шкафа, уткнувшись в мобильник, сидела «юная Ассоль» в синей толстовке и потертых джинсах, левее неторопливо доедал салат маловыразительный мужчина лет сорока, задумчивая блондинка смотрела в окно, ожидая заказ, тощий парень большими глотками пил чай и с явным аппетитом ел... шоколадный эклер. Не может быть.

«Тебе его черной икрой обмазали, что ли?»

Несколько секунд Глеб следил за действиями паренька, а затем, усмехнувшись, отвернулся и с сомнением посмотрел на старомодную потрепанную папку меню. Нет, рисковать с обедом не стоило, лучше отправиться в более подходящее место, где любая закуска — это праздник вкуса, а телятина сравнима с песней и является гордостью шеф-повара. А еще не помешал бы бокальчик незаурядного красного...

Представляя на белоснежной тарелке отличный кусок мяса с прожаркой медиум, Глеб мысленно отрезал небольшой кусок, повертел его на вилке и задумался над тем, а какой соус порадовал бы сейчас особенно. Но мечты, пропитанные свежемолотым

черным перцем и ароматами трав, задрожали и предательски оборвались, оставив после себя раздражительный привкус недосказанности. «Здрате, приехали... — протянул Глеб, чувствуя нарастающее тепло в ногах, мгновенно распространяющееся по всему телу. — Можно подумать, я оказываю сопротивление. Да, между прочим, я спокоен и бледен, как ангел в предрассветный час, так что могли бы обойтись и без спецэффектов...»

Тихо засмеявшись, Глеб расслабил мышцы, нарочно демонстрируя полнейшую покорность судьбе. Но в груди уже поднималась волна протеста: интуиция подсказывала, что следующая задача будет не из привычных, а точно такая же, как в Утятينو¹. Его же не вызывают спешно наверх, не инструктируют и не желают удачи на дальнюю дорожку. Если задание повторится, то впереди как минимум десять дней позора...

«Нет».

Однако надежда на избавление все же заерзала в душе, отчего медленно, но верно адреналин пополз вверх, азарт дернулся под ребрами и затянул с хрипотцой: «Еще не вечер, еще не вечер...»

Поддаваясь тяжести в затылке, Глеб против воли повернул голову и вновь посмотрел на парня, еще пару минут назад поглощавшего с аппетитом шоколадный эклер. Молодой человек протянул руку, взял салфетку, вытер губы, глянул на часы и положил деньги в папку-счет. Поднявшись, он подхватил рюкзак и уверенно зашагал к выходу.

¹ Об этом можно прочитать в романе Ю. Климовой «В ее сердце акварель».

ВЕТЕР ПОДСКАЖЕТ ИМЯ

ду, будто несколько секунд назад вспомнил о том, что он самый занятой человек на свете. По сути — ничего примечательного, банальная сцена из рядовой жизни, но...

Парень.

Не девушка.

«Уже хорошо. Ну и кто ты у нас?» Глеб мысленно прикинул, хватит ли у него наличных, чтобы расплатиться быстро, и принял решение занять пока выжидательную позицию. Рановато предьявлять претензии, вдруг обойдется...

Неторопливо вынув из кармана пару сотен, он небрежно бросил их на стол и, продолжая надеяться на лучшее («Больше никакой гребаной романтики»), качнулся на стуле, демонстрируя наивысшую степень равнодушия и спокойствия. Собственно, далее можно не шевелиться, сейчас до боли «родная» сила поставит его на ноги и придаст ускорения в нужную сторону. Последние секунды отдыха и покоя.

— Ладно, посмотрим, что вы мне приготовили, — тихо с улыбкой произнес Глеб, глядя, как за парнем медленно закрывается стеклянная дверь. — Мы же всегда сможем договориться, правда?

Ответом был легкий толчок в спину и напряжение в коленях, будто уже пробежал километр и теперь нужно немного пройтись, давая возможность уставшим мышцам расслабиться. Глеб резко встал, подарил лучезарный взгляд молоденькой официантке и, направляемый невидимой силой, быстрым шагом устремился следом за парнем. Сейчас даже нравилось плыть по течению. Да, наворотил немного дел, но искупил же, так давайте

вернемся к старым добрым отношениям: на планете Земля наверняка найдутся доблестно-рискотанные подвиги для первоклассного охотника. Что там у паренька в рюкзаке? Священная реликвия? Один точный удар по макушке и...

— Шучу, шучу, — весело произнес Глеб и почувствовал, что к нему вернулся контроль над телом, а вместе с ним и легкость в душе.

Парень шагал довольно уверенно, его явно не интересовал общественный транспорт. Видимо, цель близка и оставалось пройти не так уж и много, чтобы достичь желаемого. Новый Арбат, Поварская улица... Свернув во дворы, оставив позади свежеекрашенное здание школы, парень достал из кармана мобильник, остановился, понажимал кнопки и, обнаружив необходимую информацию, пошел к подъезду жилого дома.

«Похоже, любитель мертвых шоколадных эклеров — обыкновенный курьер», — мысленно предположил Глеб и ускорился, гадая, какая преграда ждет впереди: кодовый замок или консержка. При первом варианте всегда меньше возни, неодушевленные предметы послушно отдают истории своего прошлого или дарят нужные ощущения, на основе которых не сложно сделать правильные выводы. Люди же... Вообще-то тоже не проблема, но на них приходится тратить гораздо больше особой силы, что, конечно, бесспорный минус. Жди потом, когда восстановится. Небесная канцелярия четко ограничивает способности своих сотрудников, чтобы некоторые из них не пускались во все тяжкие и не слишком-то вмешивались в земную жизнь.

ВЕТЕР ПОДСКАЖЕТ ИМЯ

Усмехнувшись, Глеб спокойно зашел в подъезд (дверь за любителем эклеров закрывалась медленно, тут бы и слон успел) и, притормозив около лифта, сделал вид, будто нажимает кнопку вызова. Цепкий взгляд прицельно метнулся в сторону парня, стараясь не пропустить ничего важного и интересного.

«Давай, порадуй меня чем-нибудь хорошим. Меньше всего мне хочется таскаться за тобой целый день».

Молния рюкзака издала резкое и долгожданное «вжик», интуиция кольнула в носу, Глеб замер, уже догадываясь, что увидит в следующую секунду. Вынырнув из темных недр, белый узкий конверт очертил полукруглую траекторию и бесшумно отправился в один из почтовых ящиков. Парень подхватил рюкзак и с чувством выполненного долга под скрип дверной пружины покинул подъезд. Кодовый замок оказался сломан, не пришлось даже кнопку нажимать.

— Курьер, что и требовалось доказать.

Третий ящик справа. Глеб, оттягивая момент истины, медленно спустился по лестнице, качнулся на пятках, провел пятерней по волосам, протянул руку, сунул пальцы в узкую щель и резко дернул на себя дверцу ящика. Старенькая дверца хрипнула, расшатанный замок сделал одну достойную попытку сопротивления и все же сдался, отдавая желаемое врагу.

«*Щербаковой Екатерине Алексеевне*» — значилось на конверте, и Глеб, сжав зубы, со всей силы врезал кулаком по почтовым ящикам — бамц!

— Какого черта! — рявкнул он, зная, что за последнее слово получит сполна. И долго ждать не при-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

шлось: бок обожгла предупредительная боль и мгновенно пересохло во рту. Глеб попытался втянуть в легкие побольше воздуха, сморщился, сделал короткий шаг и врезал по ящикам второй раз. Надежда рухнула, теперь можно дать волю чувствам, хуже уже не будет. — А не хотите ли поговорить о старой доброй справедливости? На чем там у нас держится мир? На любви и доброте к ближнему? Да, признаю, накосячил самую малость, но за это уже отпахал! — Глеб стоял, задрал голову, и ждал ответа, будто он и вправду мог появиться на старом пожелтевшем и потрескавшемся потолке подъезда, но ничто не нарушило тишину. Злость предательски пошла на спад, а хотелось, чтобы она, наоборот, росла и крепла, подбрасывая дрова в огонь. — Сколько их будет? — сухо спросил Глеб, бросая резкий взгляд в сторону лифта. Нет, показалось, никто не едет. — Так сколько их будет?

Он знал, что случайности теперь исключены и чутье или действие определенной силы всегда укажет нужный путь.

Лифт.

Не показалось.

Глеб быстро поднялся по ступенькам, и взгляд сразу остановился на серой полоске с нумерацией этажей. Та цифра, которая призывно горела, и являлась ответом на его животрепещущий вопрос.

— Пять? Что? Пять?! Нет... Слышите? Я сказал — нет. Пусть две. Ладно, пусть две. Но не больше! И я даже готов починить этот гребаный почтовый ящик, но только две! — Глеб подождал немного, неотрывно глядя на неизменно светящуюся цифру, затем издал протяжный стон и бы-